

ОХОТНИК

Эльза Яновская

#мистика

16+

Эльза Яновская

ОХОТНИК

«Издательство «Союз писателей»

2017

УДК 82-32
ББК 84 (2Рос=Рус)

Яновская Э.

Охотник / Э. Яновская — «Издательство «Союз писателей»,
2017

ISBN 978-5-00073-779-8

Наши желания — наше искушение. Отчаявшись, поддавшись мимолетному порыву, пойдя на поводу страстей, легко потерять надежду, усомниться, покориться и сделать выбор, о котором всю жизнь придется жалеть... Например, продать собственную душу за заманчивые, но сомнительные обещания. Ходят от деревни к деревне, от города к городу те, кому дано исполнять людские прихоти. Даруют они самое вожаденное, но и цена оказывается немалой. И нельзя отменить единожды принятого решения, вернуться назад, забрать обратно свои слова, исправить помыслы. Есть ли спасение для того, кто не смог совладать со слабостью, потерял смысл жизни, подчинился гордыне и амбициям? Нешуточная борьба за человеческие души развернется на страницах книги Эльзы Яновской «Охотник». Пришла пора задуматься, зачем мы явились в этот мир, чего стоят наши желания и какова плата за вечность...

УДК 82-32
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-779-8

© Яновская Э., 2017
© «Издательство «Союз
писателей», 2017

Содержание

Церковное вино	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Эльза Яновская

ОХОТНИК

#мистика

© Яновская Э., 2017

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2017

Спасибо моей Маме за то, что она верит в меня, моей Дочери за вдохновение и силы жить, моим родным Галочке и НатаЛи за то, что поддерживают во всех начинаниях и трудностях.

Без вас, мои девочки, не было бы этой книги.

Церковное вино

– Ну, с Богом!

Перекрестившись, священник вышел из церкви. Прикрыв массивные двери, он трижды осенил себя знамением и поклонился надвратной иконе Иоанна Златоуста. Темнело. Вечернее солнце золотило верхушки сосен. В деревенском овражке мычали коровы после дойки да лаяли собаки. Докучали комары. Над печными трубами вился дымок, сладко пахло сеном, в реке плескалась рыба – самое раздолье.

«Надо будет Макарыча сманить на пятницу», – подумал батюшка и прошел к воротам в церковной ограде. Воры или хулиганы были редкостью в округе, но любопытных мальчишек и бравирующей молодежи хватало.

Когда священник задвинул нехитрый засов и собирался уже отправиться домой, он вдруг увидел человека, молча стоящего поодаль в тени деревьев.

– Кто здесь?

– Я! – незнакомый голос звучал звонко и задиристо.

Настоятель попытался разглядеть говорящего, но раскидистая крона старой липы скрывала незваного гостя в своем полумраке.

– Что вам здесь нужно?

Неторопливым уверенным шагом человек вышел на песчаную дорожку и приблизился к ограде.

– Я искал ночлег в этом богом забытом месте. Насколько мне известно, церковь призреет всех странствующих и напоит всех жаждущих, оттого я решил остановиться у вас.

– Места у нас и в самом деле глухие. Что же привело вас сюда? Что вы здесь ищете?

– Я еду в Н. Путь, конечно, неблизкий, но дела того требуют. Так вы позволите мне у вас заночевать?

Батюшка внимательно всматривался в незнакомца. Ничего примечательного: мягкая фетровая шляпа, сапоги из добротной кожи и дорожный коричневый костюм с позолоченными пуговицами. Единственное, что не оставляло равнодушным, – глаза! Черные и яркие, они притягивали, словно магнит. Так бывает в театре, когда спектакль должен вот-вот начаться, бархатный занавес чуть колыхнется, зрители молчат, оркестр настроил инструменты и дирижер готов взмахнуть своей палочкой.

– Милости просим, разделите наш кров.

Священник распахнул ворота, а путешественник вернулся к липе и взял под уздцы вороного коня со стриженной гривой.

– Вы ведь не станете возражать против моего друга? – с улыбкой спросил он.

Батюшка провел скакуна в конюшню и поручил помощнику Степану его расседлать и накормить.

Уже совсем стемнело. Затихли животные. В прохладной мгле за углом церкви виднелись посеревшие от времени кресты.

– Матушка, у нас гости, – произнес хозяин дома, переступая через порог.

Из глубины комнат вышла еще молодая жена, одетая по-домашнему, без платка. Пахло яблочным пирогом и жареной курицей.

– Проходите, если так, – ответила она без излишних эмоций: ни досады от внезапного визита, ни особой радости. Им привычно принимать странников, хотя они и были в маленькой деревне большой редкостью. Незнакомец довольно быстро освоился: расстегнул камзол, бросил шляпу на комод, прикрыв ею Псалтырь, и устало рухнул на уютный диванчик в гостиной.

– Как к вам обращаться, сударь? Имеете ли вы звание? Состоите на службе? – священник присел на стул у окна, чтобы видеть, как супруга Марья и Аннушка, девушка при доме и

помощница, накрывали к ужину в столовой. Гость не шарил глазами, как это бывает с людьми в незнакомом месте, а вполне уверенно и без стеснения смотрел в глаза хозяину.

– Зовите меня Петром Алексеевичем. Званий у меня достаточно, но мне не хотелось бы объявлять их, чтобы никого не смущать. Путешествую. Где по делам бываю, где так, по зову души, – молодой человек на вопросы отвечал просто, без гордости и без смущения. Он не делал паузы для того, чтобы придать своим словам пафоса; напротив, давал понять, что при расположении хозяев искренне готов открыться. При этом он ни разу не отвел взгляда от собеседника, но не желая смутить его, а доказывая свою заинтересованность в продолжении беседы.

– Ну и меня величайте скромно Иваном Андреевичем, – батюшка уже снял свою рясу.

В столовой на деревянном столе в свете свечей поблескивал горячим жиром цыпленок в окружении печеных яблок, в горшочке дымились гречка, ароматно пахла свежая зелень и овощи, холодная буженинка ждала своей очереди сразу за блюдом с молодой картошечкой в мундире, открытый яблочный пирог аккуратно порезан, и аппетитные куски горкой возвышались на большом медном блюде. И на все это великолепие из красного угла взираал Николай Угодник.

Матушка открыла оконце: лето выдалось душное. И теперь ленивые жирные мухи по очереди залетали в комнату, нехотя кружили над столом, иногда садились на белую скатерть, но на них была открыта охота. Особо неповоротливые падали на подоконник и пытались ползком выбраться наружу, где в каплях вечерней росы благоухали полевые цветы. За рекой просыпался соловей. Марья, собрав маленький узелок, унесла снесь на сеновал, где летом по обыкновению трапезничал Степан.

– По собственному, заметьте, желанию, – отметил отец Иоанн.

– Уж не девок ли деревенских он там тискает? – усмехнулся Петр Алексеевич и провел указательным пальцем по тонким усам.

Женщины за столом засмущались, батюшка крикнул в кулак, но спокойно ответил:

– Деревня удивится, когда Степка женится. Парню двадцать пять лет, а он ни о ком, кроме своих лошадей, не мыслит. Надо отдать должное, малый знает свое дело; и окажись он при дворе П. или С., те бы его не выпустили из своих цепких лап – уж не раз пытались переманить. Но хлопец сидит в нашей деревне и никуда не рвется. Его друзья-то давно по трое детей имеют, а он, как прибился ко мне мальчишкой еще, так и работает. Вон на опушке молодежь собралась, а Степан из конюшни своей шагу не ступает. Лежит у окна в холодке, да иногда на жалейке¹ поигрывает. Для кур!

Иван Андреевич расхохотался. У него был очень приятный смех: низкий и громкий, словно камни катились со скалы.

– А может, девок у вас красивых в деревне нет? – гость подался вперед, как будто от ответа могло совершенно измениться мнение обо всей деревне.

– Есть. Как же им не быть?! Вон Варвара-краса, длинная коса, звезда краев наших; к ней и из города сватались, а она все нос воротит, – также слегка наклонившись, ответил хозяин. – Да и Аннушка наша тоже красавица: брови как птицы, глаза как зарницы, станом упруга, отличная подруга.

И он опять расхохотался, потому что краем глаза следил за предметом своей речи: девушка покраснела и опустила взгляд, стараясь при этом сохранить достойный вид.

Петр Алексеевич перевел взор на работницу и подмигнул ей. Та зарделась еще больше, вскочила из-за стола, схватила первую же тарелку и упорхнула на кухню, где загремела какими-то чашками, ложками и бог знает чем еще.

– Да и матушка ваша, заметил я, хороша собой. Из этих же мест? – продолжил гость.

¹ Народный духовой музыкальный инструмент – деревянная трубка с раструбом из коровьего рога или бересты.

Иван Андреевич положил ладонь поверх изящной руки своей супруги и, любуясь Марьей, ответил:

– Из этих, да не из этих. В свое время меня сюда назначили, да так и остались мы тут.

Петр Алексеевич откинулся на спинку стула и закурил.

Далее разговор, как вода в ручейке, перетекал с одной темы на другую, перекачиваясь по камешкам мировых событий и происшествий местного значения. Гость оказался просвещенным и много повидавшим, чем заинтересовал и расположил к себе Ивана Андреевича. Приход, в котором служил отец Иоанн, был невелик: хотя и охватывал десяток деревень вокруг, но людей тут немного, а благородного сословия и вовсе чуть. Большинство из последних верили, что земля плоская; а те, с кем можно поговорить, при первой же возможности уезжали в лучшие места.

Не спеша женщины собрали посуду и оставили мужчин одних. На тарелке лежала пара кусочков буженинки, пироги были заботливо прикрыты рушником, а посреди стола высилась бутылочка хорошего церковного вина, которое хозяин доставал только при особых гостях, пусть и не всегда знатных, зато приятных. Со двора доносились по-ангельски негромкие звуки дудочки, изредка долетали отрывки разговоров. Сонная нега после знойного дня и сытного ужина расплылась по всему телу: не хотелось ни вставать, ни говорить.

– Бывали ли вы в Париже, Иван Андреевич? – вдруг спросил гость.

Тот хитро усмехнулся:

– Бывал, голубчик! Бывал! А если хотите, то и вам покажу.

Петр Алексеевич с недоумением взглянул на священника, чувствуя подвох.

– Собирайтесь. Я вам такой Париж покажу, какой вы ни в одной Франции не найдете.

Мужчины вышли из дома. В воздухе разливался нежный аромат лесных фиалок. Ночные звуки плыли, как мотыльки. Комары зудели над головой и старались атаковать в любое неприкрытое место.

– Жгучие заразы! – выругался молодой человек, раздавливая очередного кровопийцу.

– Места такие... – протянул священник.

Они шли вдоль реки. Всюду бурлила жизнь. Рыба, поднявшись к самой поверхности воды, привольно плескалась и ловила мошкар. В кусты копошились птицы. Мелким птишкам все в радость: будь то жара, когда можно согреть свои перышки или спрятаться в густой листве; или прохлада, когда так приятно сидеть на пока еще теплом камешке и голосить что есть мочи. Петь о том, как здорово купаться в ручейке или дорожной пыли; о том, что каждый восход солнца несет новые горести и радости и, как бы ни были дни похожи один на другой, каждый из них особенный.

– В любой из скучных дней мы можем закончить свой земной путь, – прервал молчание священник.

– Я не умру, – спокойно ответил Петр Алексеевич.

– Все мы смертны. Кто-то дольше живет, кто-то меньше, но конец приходит.

– Мне обещали бессмертие.

– А есть ли в нем смысл? Что вы станете делать с бессмертием?

– Пока что наслаждаюсь. Я молодо выгляжу и останусь таким, пока этот образ не наскучит мне. Я много видел, все смешалось в моей голове. И невозможно перечислить то, что я еще хочу увидеть; добавьте чудеса, пока неизвестные мне и неведомые всему человечеству. Я жажду застать расцвет ума Человека и его крах. Мне не терпится узреть метаморфозу людского рода: как сотнями умов создаются невероятные вещи, призванные облегчить существование; как эти творения соблазняют прогрессом, дарят иллюзию, что можно жить свободно. Окружают декорациями. Сворачивают. Более того, я хочу сам принять участие в этом действе.

– Какую же роль вы себе отводите? Или, возможно, сами станете одним из тех соблазненных? – пытал Иван Андреевич.

Петр Алексеевич рассмеялся.

– Почти. Я не собираюсь руководить представлением. В мире достаточно людей тщеславных, которые лучше меня справятся с этой задачей. Я хочу быть внутри, испытать все на себе. Хочу почувствовать грань, которую нельзя переступить. Мне известны моральные устои и требования общества к индивидууму. Мы все – а вы, дорогой Иван Андреевич, особенно – держимся этой грани; и каждому хоть иногда хочется шагнуть за нее, однако нельзя, потому что осудят и накажут. Мне же хочется понять, почему нельзя. Я сам хочу пройти тот путь, который преодолело человечество, создавая свои нравственные законы. Сотни лет назад нельзя было в сумерках выходить из жилища из-за опасности быть съеденным, и люди придумали страшные сказки. Теперь мы живем в городах, но суеверия неискоренимы в нас. Я хочу вкусить этот первобытный страх, познать отвращение к пороку. А после самому останавливать людей, внушать им отвращение к греховным поступкам с такой силой, чтоб они сходили с ума от одних моих слов.

Есть ли что-то, способное увлечь больше, чем познание человеческой души? Ведь человек – самый сложный механизм. Не знаю, разгадают ли ученые загадку ума: почему мы рождаемся разные; почему, попадая в одинаковые истории, выводы порой делаем противоположные? Нет, Иван Андреевич, до тех пор пока человечество не откроет мне все свои секреты, я не покину сей мир.

– Как глубоко вы копнули, сударь. Позвольте, сколько вам лет? – священник обернулся и попытался по складкам у губ и едва заметной щетине, как по кольцам на дереве, прочесть возраст случайного гостя.

– Немало, даю слово чести. Вот только ни один грех не оставил отпечатка на моем лице, ни одна мысль не проложила морщину на моем лбу. Вечная юность открывает многие мудрости и показывает дороги, которые недоступны старику.

– Вы правы, голубчик. Порой мне кажется, что с каждым годом я больше и больше костенею. Как покрывается корой старый тополь, так и я обрастаю проблемами, и побегам не пробраться сквозь эту толщу. Все меньше миру удастся удивить меня. А ведь удивление и любопытство – самые прекрасные чувства; и о них, а не о прошедших годах, я сожалею. Порой просыпаешься утром и знаешь, чего тебе ждать: от яркого солнца – жаркого дня, от облаков на горизонте – дож дя. И вот я уже не люблю радугу и не восхищаюсь закатом. Кругозор мой сужается, и мне приходится заставлять свой ум работать, не позволяя ему расслабляться. Не хочу умирать внутри, друг мой, страшно быть мертвым, – Иван Андреевич глубоко вдохнул и продолжал: – Бывая в Петербурге, я вдоволь насмотрелся на таких покойников. Они в агонии пытались доказать себе, что живут, однако момент был упущен. И вот – перед вами не человек, а ходячий мертвец. Он даже считает, что мыслит и, может, на что-то влияет, что слова его имеют вес, что стоит выходить в свет. Однако общество ему не нужно, он всего лишь пытается удержать дрожащими руками удила своей жизни.

– Поэтому вы и уехали? Почувствовали эти превращения в себе?

Собеседники пересекали поле, пугая шелестом шагов шустрых куропаток и трусливых зайцев. Под ногами суеты было больше, чем в базарный день.

– Плесень, гниль... Такая хитрая штука: стоит оказаться рядом – и она живет в тебе. Ты думаешь: ничего страшного, ведь видимых признаков гниения нет. Однако губительные споры уже внутри тебя, плесень разрастается, пускает корни, а когда проявится снаружи – будет поздно. Нет, тогда ты ничего не сможешь сделать. И вот человек перестает быть собой. Вы, Петр Алексеевич, говорили о бессмертии? Вы не избежите гниения. Вот, смотрите, – священник чуть задел василек, и легкая бабочка, нехотя взмахнув крыльями, поднялась в воздух, так же лениво опустилась на соседний цветок и продолжила свой сон. – Думаете, это божье создание мечтает о бессмертии? За тот короткий срок, что отведен ей Создателем, она делает гораздо больше, чем вы за свою бесконечную жизнь. Вам будет казаться, что времени еще

много, что вы все успеете, и, тем не менее, непременно найдется тот, кто сумеет вам подарить покой. Ведь не прокляты же вы, в самом деле, и ваша душа, как и душа любого из нас, заслуживает покоя после долгого скитания по земле.

Молодой человек воскликнул:

– Вы говорите о смирении? Да! Вы говорите о том, чтобы подчиняться происходящему, ценить испытания и быть покорным обстоятельствам. Именно этого, вы полагаете, хочет ваш Бог? – Петр Алексеевич засмеялся. – Нет, простите меня, уважаемый Иван Андреевич, мне нравятся ваши рассуждения, но я с ними не соглашусь. Допустим, я иду по улице и вижу, как разбойники грабят некую женщину. Предположим, я даже знаю эту даму: мне известен ее скверный характер; я видел, как она распекала своего супруга и нещадно лупила кухарку. И вот теперь на нее снизошла кара небесная. Бог решил ее наказать, отнимая то, что она не доплатила своим слугам. Следует мне помочь ей или пройти мимо?

– Коварный вопрос, – задумался батюшка. – Религия призывает нас помогать ближнему своему несмотря ни на что. Когда Бог пожелает наказать человека, он не станет делать это чужими руками. Людские промыслы хитрее Божьего.

– Бог создал мир за шесть дней, и, снимая с себя заботу о собственном творении, он создал человека – по своему образу и подобию. Вот только человек – не Бог. Так, мелкий божок, у которого есть маленькая власть, но в силу своего скудоумия он вообразил себя всемогущим. Этаким божком с брачком, – горячился Петр Алексеевич. – И Бог этого не учел. И все же из-за своей доброты он позволил человечеству размножаться и заполнять эту прекрасную планету. Он посылал человеку испытания: потопа и огненные дожди, чтобы выбрать лучшие зерна. Но нет, гнильца уже поселилась во всем: совсем крошечная спора, подкинутая змеем-искусителем Адаму и Еве, засела в человеке. И он никогда не станет прежним – тем богоподобным существом, каким был задуман изначально.

Следовательно, Бог может вообще ничего не делать: человек накажет себя сам, сознательно убивая мораль, заложенную в нем с детства. Да, нормы морали меняются с течением времени и в зависимости от места обитания. Папуасы, например, до сих пор съедают своих врагов. А у древних ацтеков считалось за честь быть жертвой, принесенной богам, – этого права удостаивались лишь избранные. И та самая дама со скверным характером вполне может быть наказана слугами, которых она обделила. И эти несчастные будут уверены, что не нарушают никакие моральные законы, а всего лишь возвращают то, что принадлежит им. Те же самые разбойники могут оказаться вполне добропорядочными крестьянами, сбежавшими от осатанелого помещика и вынужденными теперь промышлять грабежами на большой дороге. Нет, они вовсе не собирались ее убивать – они только хотели выжить.

– Вы правы. Судить о человеке, не зная причины его поступков, трудно, – согласился Иван Андреевич.

– Нельзя. Поверьте мне, нельзя. Я готов привести тысячу тому доказательств. У всех есть своя причина поступить так, а не иначе: у убийцы, вора, насильника, у каждого богоотступника. Сколько грехов приписано человеку?

– Грехов, сударь? – прервал яростную тираду священник.

Они снова вышли к излуине реки. В зеркальной глади отражалась луна, в прибрежных зарослях колыхались тени, и за каждым кустом прятались былинны существа и духи. Суеверный страх приписывал сверкающим в темноте глазам чудовищные размеры и жестокие замыслы, разум же твердил, что желтоватые искры принадлежат не лешим, а безобидным оленям. С ивы капали прозрачные слезы. Пахло цветущими травами и хотелось жить, как никогда прежде.

– Есть смертные грехи, описанные богословами, а есть заповеди, данные Богом Моисею, – рассуждал батюшка. – Греховно чревоугодие, сладострастие, гнев, алчность, зависть, гордыня и лень, равная унынию и потере интереса к жизни. Заповеди же есть свод божествен-

ных законов: не убий, не укради, не прелюбодействуй, не завидуй и иные. Греховное состояние естества – то, с чем человек рождается; и ему приходится бороться с желаниями своего тела. Соблюдая заповеди, человек противостоит желаниям, когда ему кажется, что у соседа лучше, красивее, здоровее.

– Не кажется ли вам, что Бог заповедями ограничил человека в помыслах, а уже сам человек ограничил себя в поступках? Тем самым людям все время приходится искать пути для исполнения своих желаний. И они в любой момент могут переступить некую черту, за которой нет надежды на то, что святой Петр для них откроет Райские врата? Быть может, и мы с вами ее переступим?

– Я человек не менее чем вы, мой друг, – священник сорвал травинку и стал отгонять ею назойливых комаров и мошек. – Как видите, меня тоже кусают.

– Следует ли мне рассматривать ваши слова как признание в неких грехах? – Петр Алексеевич нащупал интересующую его нить и не собирался ее отпускать.

– Извольте, рассматривайте, – в своей обычной манере улыбнулся отец Иоанн. – Да, я грешен и за грехи свои уже расплатился. И, знаете ли, мне порой кажется, что цена оказалась слишком высока. С другой стороны, мне дарована и высшая благодать, о какой только может помышлять человек.

– Что же вы получили в награду, понеся наказание?

– Не знаю теперь, являлось ли это наказанием или всего лишь испытанием, а возможно, это было и искушение.

– Рассказывайте же, – Петр Алексеевич торопился услышать историю.

– Я был помолвлен с Марьей и готовился принять сан, – начал свой рассказ Иван Андреевич. – Моя невеста была девушкой скромной, из небогатой семьи, но со всеми мыслимыми добродетелями и соответствующая моей будущей жизни. Я же младший в своей семье, у меня шесть старших братьев; и какого-либо наследства мне ожидать не приходилось, поэтому намеревался приучать себя к скромности и умеренности. Однако пока обстоятельства позволяли, я проводил время в праздности и наслаждениях. Братья брали меня с собой на гулянки. Они получали удовольствие от осознания, что совращают будущего священника. Мне же нравилось противостоять все новым и новым искушениям, которые для меня придумывались. Когда накал страстей достигал высшей точки, а фантазия превосходила все мыслимые пределы, я соглашался на соблазн. Да, я испытал многое. И это прельщало меня, но не могло заставить отказаться от выбранной стези. Иначе мне пришлось бы стать таким же, как все: обычным гулякой, прожигающим наследство или, в моем случае, деньги невесты. Конечно, эти похождения усердно скрывались мною и братьями от родителей и тем более от моей на тот момент уже супруги.

Накануне принятия сана Маша родила. За две недели до назначенного срока, замечательного голубоглазого мальчишку. Но радости мне это не принесло.

Приближался день рукоположения. И я почувствовал: все, теперь конец! Не будет больше ничего. Только служба. Только дом. До этого времени мне еще казалось, что я смогу как-то спрятать свою греховную натуру. А тут страх такой напал, что хоть в воду бросайся. Отступить тоже нельзя – это лишило бы меня даже тех малостей, на которые я мог рассчитывать.

Я перестал ночевать дома. Маше писал короткие записки, что все в порядке. А сам кутил с одной местной красавицей, достаточно знатной и замужней. Настал момент, когда я был пьян и не помнил себя. Мне хотелось лишь одного: целовать эту сводящую с ума грудь, глотать вино из тонких ладоней и всегда находиться на вершине того сладострастного безумия, что заполняло меня и вместо крови текло в моих жилах. Мы бежали. Добрались до ближайшей деревни и вновь предались плотским утехам. Наконец я заснул беспокойным сном. Мне явилась Маша с грязным свертком в руках. Ее губы не шевелились, но я отчетливо слышал произносимые слова. «Что делать?» – спрашивала она. А потом положила к моим ногам свою ношу. Я без

капли страха поднял и развернул сверток. Это был наш новорожденный сын. Вот только узнал я его скорее чутьем: тлен тронул нежное личико, открытые пустые глаза смотрели будто сквозь меня. Кожа кусками сходила с маленького тельца от легкого прикосновения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.